

РЕЦЕНЗИИ

А. Костин

РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ КАНОН В СВЕТЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ХРЕСТОМАТИЙ

Рец. на: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. тома А. Вдовин, Р. Лейбов. [Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX]. Тарту, 2013. 345 с.; База данных по русским хрестоматиям и книгам для чтения / сост. А. Вдовин. URL: http://ruthenia.ru/canon/hrestomatii_version_29_11_2013_s_filtrami.xls

Не вызывает сомнения, что для того обширного проблемного поля, словами-сигналами в котором служат «канон», «литературная репутация», «классика», «рецепция» и пр., вопрос о школьной традиции бытования литературных текстов является во многом ключевым. Несмотря на многочисленные частные исследования в данной области, сколько-либо обобщающим трудом на русском материале мы до сих пор не обладаем, и потому коллективная работа по описанию школьных хрестоматий XIX — начала XX вв., выполненная под руководством Р. Лейбова и А. Вдовина, не может не вызывать живой заинтересованности и провоцировать на внимательное чтение.

Во вводной статье «Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия» редакторы оценивают издаваемую ими книгу как «коллективную монографию» (с. 7; ср. с. 9, 10, 17, 26, 29). И хотя даже беглый взгляд на содержание заставляет усомниться в такой оценке, поскольку двенадцать составляющих эту книгу статей посвящены преимущественно частным проблемам, между тем сама вводная статья может служить образцом «сцепления» отдельных статей в единое целое, отчего этот и без того достойный тематический сборник становится возможным рассматривать как нечто большее — первый подступ к очевидно необходимому всестороннему изучению школьной традиции как фактора истории русской литературы.

В основе концепции книги лежит представление о «литературном каноне», рассматриваемом как исторически изменяющаяся

совокупность образцовых текстов, для «непрофессионального читателя» «метонимически представляющая историю национальной/мировой литературы». Редакторы замечают при этом, что «„большой национальный канон“ оказывается иерархически организованным, тексты и авторы здесь меняют свой статус, и эти изменения не всегда могут быть объяснены как внешними воздействиями, так и внутренними качествами текстов» (с. 8–9). Исследованию канона школьного как одной из составляющих этого «большого канона» и посвящена книга. Редакторы выделяют два основных направления в изучении этого явления: с одной стороны, тщательное описание и статистический анализ соответствующего материала; с другой — «тщательный контекстуальный анализ, предполагающий сочетание различных точек зрения на текст» (с. 10).

Следует отметить, что в описании материала исследования участниками издания сделан во многом революционный шаг вперед. Референтной основой для всех авторов сборника служит составленная А. Вдовиным база данных, включающая 10473 вхождения поэтических текстов в 108 хрестоматий 1805 — 1912 гг., список которых по фондам РГБ, РНБ, ГПИБ, Эстонской национальной библиотеки и научных библиотек Тартуского и Таллинского университетов был подготовлен А. Вдовиным при участии А. Сенькиной и публикуется

в книге (с. 302–309). На с. 12 эта библиография характеризуется как «пусть и не полная, но, как нам кажется, вполне репрезентативная подборка ... по которой можно с незначительной погрешностью судить о том, как складывался русский литературный канон XVIII и XIX столетий». К сожалению, в книге остаются непроясненными принципы составления этого списка — какие источники были использованы, как производился отбор, какие комплексы хрестоматий описаны со значительной полнотой, для каких возможны существенные пополнения? Все это не позволяет читателю оценить степень возможных погрешностей. Так, не вполне ясно, обусловлен ли высокий процент (25 %) остзейских изданий в библиографическом списке степенью изученности истории преподавания русской словесности на этих территориях, или реальной книгоиздательской практикой XIX века. Можно уверенно говорить, что учет лишь отдельных (хотя и ключевых) изданий многократно переиздававшихся хрестоматий существенно влияет на статистические показатели; так, для хрестоматии К. Д. Ушинского «Родное слово» учтено лишь первое издание 1864 г.; для «Русской хрестоматии» А. Д. Галахова — 6 из более 30 изданий, причем в одном случае — лишь второй том; для ряда хрестоматий (П. М. Перевлеского, К. Козьмина, В. В. Воскресенского, Н. Покровского, В. А. Соколова, и др.) учитываются единичные поздние издания.

Поскольку рассматриваемое издание при всей пестроте представляет собой опыт коллективного исследования единой проблемы, наибольший интерес в книге представляют статьи, дающие общий взгляд на русские дореволюционные хрестоматии, и прежде всего — вступительная статья Р. Лейбова и А. Вдовина, суммирующая результаты других авторов книги и описывающая основные направления в изучении дореволюционного школьного канона: институциональная история создания хрестоматий (особое внимание уделено изданиям А. Д. Галахова); специфика русских хрестоматий, выходящих в свет в остзейских землях; определение ядра школьного канона на основе статистики наиболее частых вхождений отдельных текстов и поэтов (пятерка «лидеров» — Пушкин, Крылов, Жуковский, Лермонтов, И. И. Дмитриев); вопрос о степени вхождения хрестоматийных текстов в коллективную память.

Принципиально важна для понимания специфики исследуемого в книге материала статья А. Сенькиной «Изящная словесность как дидактический материал: к истории русской литературной хрестоматии (первая половина XIX в.)», где рассматривается ранняя история

формирования русской школьной хрестоматии — до выхода в 1852 г. первой официальной программы-конспекта по русской словесности. Процесс включения в школьную практику хрестоматии как основного пособия по словесности представлен здесь как отказ от актуальной до начала XIX века системы, в которой литературные сочинения изучались в курсах риторики и поэтики как иллюстрации отдельных теоретических положений. Общее направление в формировании этих первых хрестоматий, заложенное Н. И. Гречем и закрепленное А. Д. Галаховым, обусловлено тремя факторами — «во-первых, задачей представить репрезентативные образцы всех литературных родов, жанров и форм, с которыми знакомила учеников книга; во-вторых, необходимостью представить лучшие в художественном отношении произведения; в-третьих — предпочтительностью для учебного пособия текстов, написанных современным литературным языком» (с. 46). По мнению А. Сенькиной, значение этих ранних хрестоматий для дальнейшей истории школьного канона заключалось в том, что ими была подготовлена «сама идея „назначения“ определенных произведений образцовыми» (с. 52).

Верное в пределах рассматриваемого исследователем этапа, это утверждение требует уточнений с учетом практики обучения словесности в предшествующий период. Представление об образцовых авторах и сочинителях не было, конечно, русским изобретением первой половины XIX века. Школьный *curriculum* образцовых авторов лежит в целом в основе европейской литературоцентричной школьной традиции, наследующей традиции античной¹. Неизбежное изменение этого круга на протяжении веков вместе с тем оставляло неизменным сам принцип: обучение языку невозможно без чтения и разбора определенного набора текстов, рассматриваемых и как образец чистого языка, и как сокровищница морали и исторических сведений. Именно в таком качестве в программу старших классов школ в курсах обучения языкам — как древним, так и новым, — входил разбор соответствующего автора. Примечательно, что в русской традиции подобный курс возникает не позднее 1739 г., когда в регламенте гимназии Академии наук в программе обучения русскому языку для старших классов по аналогии с французской, немецкой и латинской программами выделяются часы на «русского автора» (имелись в виду, по-видимому, сочинения

¹ Классический пример анализа истории европейской литературы в контексте школьной традиции дан Э. Р. Курциусом в его труде «Европейская литература и латинское средневековье» (1949).

А. Д. Кантемира)². Тот факт, что в известном критическом очерке о Ломоносове в заключении «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев, ученик Пажеского корпуса в 1760-х гг., разбирает те же поэтические сочинения Ломоносова, что составляют основу его хрестоматийного образа и сегодня — «Вечернее размышление о Божием величестве» («Песчинка как в морских волнах...») и оду на восшествие Елизаветы Петровны 1747 г. («Царей и царств земных отрада...») — достаточно свидетельствует, что и в XVIII веке литературная иерархия включала не только писателей, но и отдельные тексты (посредником в данном случае изначально выступало ломоносовское «Краткое руководство к красноречию», наиболее распространенное в XVIII веке русское пособие по словесности³). Таким образом, специфика школьного подхода к литературе в первой половине XIX века выразилась не столько в возникновении принципа «назначения» образцовых сочинений, сколько в открывшейся с популяризацией хрестоматий для относительно широкого круга педагогов возможности отражать в этом жанре собственные представления о каноне и — в связи с бурным развитием в это время литературной критики — в смещении акцентов от произведений относительно старых к сочинениям новым. Вместе с тем, незавидная в школьном контексте судьба большинства «новых» сочинений, вошедших в хрестоматии в 1810 — 1840-х гг. показывает, что «канонизирующий» потенциал хрестоматий достаточно ограничен.

Более поздний этап формирования хрестоматий, связанный с реформами конца 1850-х — начала 1860-х гг., рассмотрен в статье М. Макеева и К. Герасимовой «Стихотворение Н. А. Некрасова «Школьник» и проблема «демократизации» канона в русской школе 1860-х годов». Именно контекстом реформ, требовавших создания всесловной школы, объясняется повышенный интерес к этому стихотворению составителей хрестоматий 1860-х гг. и исчезновение его из школьного контекста уже в 1870-х.

Помимо еще двух статей, обстоятельно анализирующих школьную судьбу отдельных писателей — Т. Степанищевой («Стихотворения П. А. Вяземского в русских школьных хрестоматиях XIX в.»)

² См.: Костин А. А., Костина Т. В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г. В. Крафта 1739 г. и его подготовка // Проекты образовательных реформ первой половины XVIII в. / сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М., 2014 (в печати).

³ О ломоносовской риторике как хрестоматии см.: Бухаркин П. Е. «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова как явление литературы // *Varietas delectans*: сб. статей к 70-летию Н. Л. Сухачева. СПб., 2012. С. 106–115.

и Л. Пильд («Поэзия А. А. Фета в дореволюционном школьном каноне»), остальные исследования, составившие книгу, посвящены изучению отдельных стихотворных сочинений в контексте проблем канона, причем далеко не всегда собственно школьный канон играет в них сколько-нибудь заметную роль. Так, в занимающей 69 страниц статье А. С. Немзера ««Песнь о вещем Олеге» и ее следствия» мимоходом упоминаемые данные о частотности появления стихотворения Пушкина в хрестоматиях (материалы упомянутой базы данных показывают, что «Песнь о вещем Олеге» была самым популярным школьным поэтическим текстом — 49 вхождений) служат лишь поводом для избыточного цитатами разговора о заданной «Песню» семантике строфической формы Ам4/3. В статье А. Вдовина «Литературный канон и национальная идентичность: «Что ты спишь, мужичок?» А. В. Кольцова и споры о русскости в XIX веке» второе по популярности в школьных хрестоматиях стихотворение (44 вхождения — столько же у «Песни пахаря» того же Кольцова) рассматривается скорее в контексте гегельянских взглядов кружка Н. В. Станкевича и В. Г. Белинского, чем как школьный текст. Также почти не задействована школьная составляющая «большого национального канона» в статьях И. Булкиной «Рецептивная история стихотворения А. С. Хомякова «Киев»: «смысл об униии»» и К. Сарычевой ««Эти бедные селенья...» Ф. Тютчева в русском каноне (поэзия и критика 1850–1890-х годов)».

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в остальных статьях рассматриваются важные механизмы формирования национального литературного канона, свойственные именно школьной его составляющей. Статьи И. Пильщикова («Есть наслаждение и в дикости лесов...») К. Батюшкова (предыстория и эдиционная судьба) и А. Балакина (Псевдо-Пушкин в школьном каноне: метаморфозы «Вишни») отчетливо показывают такой важнейший фактор школьного бытования литературных текстов, как значительная инерционность, способная не только противодействовать научной традиции, но и влиять на нее. Так, А. Балакиным анализируется современная ситуация, в которой в круг начального чтения входит как пушкинское стихотворение Л. Н. Модзалевского «Утро», лишь десять первых стихов которого заимствованы из небесспорно приписываемого А. С. Пушкину эротического стихотворения «Вишня». Современной популярности этого текста способствовало последовательное задействование нескольких «канонизирующих» инстанций: изначально «Утро» было сочинено Модзалевским для хрестоматии

К. Д. Ушинского «Родное слово»; педагогический успех этого текста способствовал его популяризации уже под именем Пушкина в песенной традиции, которая помогла стихотворению пережить отказ от хрестоматии Ушинского в первые десятилетия советской власти, и в свете грандиозного юбилея 1937 г. войти как пушкинское в новые пособия для начальной школы. Еще в большей степени этот механизм влияния привычного со школы текста на его последующее бытование, в том числе и в научных исследованиях, проявляется в рассмотренной И. Пильшиковым истории публикации перевода К. Н. Батюшкова из Байрона: хотя список этих стихов, заслуживающий признания как наиболее авторитетный, был опубликован еще в 1884 г. в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского, в издательской практике предпочтение отдается отредактированному, по-видимому, Пушкиным тексту, опубликованному в 1828 г. в «Северных цветах» и в этой редакции закрепившемуся в хрестоматиях.

В статье ««Неканоничный» канонический текст («Боже, царя храни» В. А. Жуковского в дореволюционной школе)» Л. Киселева показывает, что вхождение в хрестоматию авторского текста вовсе не обязательно означало включение его в литературный канон: тщательное изучение дореволюционных школьных пособий по словесности всех типов (как хрестоматий, предназначенных для учащихся, так и книг для учителей и программ) заставляет прийти к выводу, что несомненно общеизвестный текст русского гимна в курсе словесности никогда не связывался с именем Жуковского, оставаясь лишь элементом патриотического воспитания. Можно предполагать, что подобная «неканоничность» могла характеризовать и другие тексты, попадавшие в хрестоматии анонимно, в связи с чем стоит отметить единственный существенный недостаток составленной А. Вдовиным базы данных: в ней не приводятся сведения об указаниях на авторство текста в описываемых хрестоматиях.

Другой далеко не очевидный механизм школьного бытования поэтических текстов рассмотрен в статье Р. Лейбова ««Кто он?»: эпизод из истории трансформаций русского школьного канона», где убедительно доказывается, что популярнейший текст советских хрестоматий — стихотворение А. Т. Твардовского «Ленин и печник» (переложение рассказа М. Зощенко) — создавалось по образцу и заняло в новом школьном контексте ту же нишу, какую в дореволюционной школе занимало стихотворение А. Майкова «Кто он?» — построенная по фольклорным моделям история о помощи Петра I простому рыбаку в починке челна с почти волшебным

корабельным мастерством. Это наблюдение позволяет говорить о «стратегии «мнемонического выживания» текста, сопротивляющегося «вычеркиванию» из культурной памяти через репликации в новых текстах» (с. 229).

В целом, сборник под редакцией Р. Лейбова и А. Вдовина следует признать бесспорно удавшимся. Можно лишь пожалеть, что многие важные аспекты специфичного бытования школьного канона оказались здесь затронуты лишь отдельными мазками. Так, например, способность школьного канона транслировать через несколько поколений текст автора, оказавшегося на периферии литературного процесса уже при жизни, продемонстрирована только во вводной статье и лишь одним примером — установлением возможной генетической связи между «подвижной лестницей» в «Ламарке» О. Э. Мандельштама и «подземными ступенями» из входившего в хрестоматию Галахова стихотворения «Кювье» Д. П. Ознобишина. Как кажется, общая сложность содержания и многоплановая интертекстуальность «Ламарка» делает этот пример при несомненной яркости недостаточно убедительным, хотя можно с уверенностью говорить, что дальнейшие исследования русских дореволюционных хрестоматий — в том числе с опорой на несомненно фундаментальную базу данных, созданную А. Вдовиным, — позволят обнаружить немало бесспорных фактов как подобного отложенного действия школьного канона, так и других аспектов его влияния и на «большой национальный канон», и на историю литературы в целом.